

/

/

/

УДК 821.161.1(081) Черенкова Л.

ББК 84(2Рос=Рус)

Ч-46

Черенкова, Любовь

Пишу, как слышу, живу, как чувствую: стихи, рассказы/Любовь

Черенкова. - Чехов.: [б.и.], 2015. - 50 с.

В авторской редакции

*Компьютерная вёрстка, оформление –
Александр Топчий (Новомосковск)*

*Фото на обложке –
Владимир Антипов (Новомосковск)*

Признание

...Мне просто высказаться нужно,
Чтоб не сойти с ума от страсти...

Опять глядишь ты равнодушно,
Своей не понимая власти.

Сказать – и рухнуть пред тобою,
Без сил, во власти наважденья.
Шепчу, кричу тебе с мольбою:
Люблю до умопомраченья!

От боли душу разрывает.
Своей отваги я пугаюсь,
И с каждым разом гордость тает...
О, как тобой я восхищаюсь!

Ты боль моя, моё желанье
И наказание за слабость,
Ты рок мой и моё страданье,
Моя судьба,
Надежда,
Радость.

Я СЛЫШУ МУЗЫКУ

*– Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да придет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
и остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго.*

...Боже милостивый! Боже милосердный! Спаси меня! Сил больше не осталось... За что мне всё это? Мог ли я думать, что в пятьдесят пять лет меня ждёт такое?

Вечернее богослужение уже давно закончилось, и все прихожане разошлись.

– Спаси тебя Бог, добрый человек.

Обернувшись, я увидел монаха этого монастыря – отца Рафаила. Люди называли его старцем, хотя по возрасту он был вряд ли старше меня. Называли же так за то, что видел и знал многое, недоступное простым людям. Говорили – через него вещает Сам Господь.

– Здравствуйте, батюшка.

– Что стоишь, идти некуда? – строго спросил меня монах. – Идём со мной.

И отец Рафаил повёл меня в свою келью. Я совершенно не удивился такому интересу к своей персоне. Цепь неприятностей, происходивших со мной в последнее время – нескончаемая «чёрная полоса» – уже погрузила меня в полную апатию.

Зашли в келью. Сели за стол, друг против друга.

– Ну, рассказывай, – молвил он.

И тут вдруг мне нестерпимо захотелось излить хоть кому-то душу. Не просто пожаловаться на судьбу очередному так называемому приятелю за рюмкой коньяка, а именно поведать то, что случилось со мной и, быть может, услышать совет...

– Батюшка, не знаю, с чего и начать.

– А начни с начала. Так проще будет.

– Ну, с начала, так с начала. Всё было, как и у всех. Я местный, москвич. Всю свою жизнь я посвятил музыке. Сначала как исполнитель, а затем – и как её создатель, композитор. Закончил Московскую консерваторию. Потом женился. В браке у нас родилось двое детей – мальчик и девочка. Всё вроде бы правильно, как и должно быть...

Монах спокойно и внимательно слушал.

– Сам я православный христианин, и моё творчество напрямую связано с церковной музыкой. Моя музыка исполнялась и в храмах, и на различных концертах. Православием проникнуто всё моё творчество и, следовательно, вся моя жизнь. А потом вдруг... жена ушла к другому.

– Неужели – вдруг? – перебил меня старец.

– С творческим человеком вообще сложно жить, особенно если этот человек пишет музыку... Порой просыпаться ночью оттого, что в голове звучит музыка. Начинаешь быстро её записывать, пока не забыл. Увлекаешься. Так проходит ночь. А с наступлением утра – жена, дети. Я устал, я не в силах ей помочь. Она одна не справляется. Её можно понять...

– И ты думаешь, что в этом всё дело? – слегка улыбнулся монах.

– Разумеется. В чём же ещё? Жена просто не понимала меня. К музыке она не имела совершенно никакого отно-

шения, ей попросту было не понять, чем живёт человек, создающий музыку. Но, слава Богу, я не остался один. Встретил женщину, женился во второй раз.

– А как же дети? – спросил отец Рафаил.

– Дети? А что дети? Дочь осталась с матерью, а сын – со мной. После творчества мой сын занимает главное место в моей жизни.

– После творчества? Ты не оговорился?

– Нет, батюшка. Ведь я пишу по Божественному промыслу. Это мой путь, и я не могу иначе.

– А что же тогда ты делаешь здесь, да ещё со слезами на глазах, раз у тебя всё так хорошо? – сурово спросил старец.

– Я до конца не понимаю, батюшка, что со мной произошло. Может, Вы поможете мне разобраться?.. Я состоялся как композитор. Меня знают в нашей стране и даже за границей. Жизнь, в общем, проходила довольно успешно: концерты, интервью в журналах и на радио, встречи с влиятельными людьми. Женщины, опять же... В течение всей моей жизни они возникали и исчезали, как звёзды на небе. Порой я даже ловлю себя на том, что не помню имён некоторых звёзд. Одна, вторая, третья... Я искал, наверное, идеал женщины. Ту самую, одну-единственную.

– А как же жена, Владимир?

– Вторая жена долго терпела, нужно отдать ей должное. Но, в конце концов, и она не выдержала моих постоянных исчезновений из дома то на банкеты, то на свидания с другими женщинами.

– Она знала об их существовании?

– Скорее всего, догадывалась.

– И ты ничего не сделал, чтобы удержать её? Быть может, попробовать измениться?

– А что я мог сделать, батюшка? Это был её выбор... А

я – слышу музыку, которая меня ведёт по этой жизни.

После ухода жены я много пил, в результате чего сын ушёл жить к своей матери. Тоже бросил меня. А моя музыка... Я уже не хочу слышать никакую музыку! А она продолжает и продолжает звучать. Порой я просыпаюсь ночью от собственного крика, пытаюсь перекричать навязчивую мелодию, но не могу, потому что она звучит внутри, и её никаким криком не заглушить. Мне кажется, я схожу с ума.

Я уже мечтаю о тишине: ни одной мелодии, ни одного мотива, не одной звучащей ноты... Я пытался записать её, эту музыку, звучащую во мне, но на нотном стане вырисовывается что-то совсем другое, банальное и неинтересное. Как далеко это от того, что слышу я!

– Да, Владимир, натворил ты дел, – отец Рафаил тяжело вздохнул. – Сам-то понимаешь, кто посылает тебе эту музыку?

– Батюшка, странный Вы вопрос задаёте. Господь, конечно! Я же всю жизнь пишу духовную музыку. Её в храмах исполняют.

– Прискорбно слышать, – вздохнул монах. – То есть, ты уверен, что именно Господь посылает музыку тебе? Тебе, забывшему своих детей? Тебе, не ценившему женщин? Тебе, использовавшему своих друзей и живущему в своё удовольствие? Да ты посмотри на себя – весь всклокоченный, с безумным взглядом... Слышал я твою музыку, Владимир. Твой «Гимн Господу» – это фальшивка. Ничего там православного нет. Этот мятный леденец приятен для слуха богемной публики – но с православием, с духовностью он никак не связан. Вот и подумай теперь, кто напевает тебе музыку?

– Батюшка, да как я заглушу эту музыку? Даже сейчас я слышу оркестр медных духовых инструментов, ля-минор.

– Услышь меня, Владимир! – повысил голос старец. – Ты хочешь сказать, что это Господь тебя довёл до такого со-

стояния? Ты даже записать не можешь слышимую тобой музыку!

– Может, со временем...

– С каким временем? – перебил меня отец Рафаил. – Никогда не сможешь, потому что это – обман. Опомнись! Если ты сейчас не изменишься, ты погибнешь.

– Батюшка, в 55 лет люди уже не меняются. Я давным-давно взрослый мужчина, а не подросток какой.

– То есть ты доволен тем, что имеешь? Тогда ничего не меняй. Иди! И да поможет тебе Господь.

– Как, батюшка? И Вы больше мне ничего не скажете? Какое-нибудь наставление...

– Какого ещё наставления ты от меня ждёшь? Я уже всё тебе сказал. Иди с Богом.

Я вышел из монастыря в гневе: да как он со мной разговаривал? Я ему душу свою, можно сказать, вывернул наизнанку, а он – иди отсюда! Да и про музыку что он сказал? Не нравится ему мой «Гимн Господу», видите ли! Да кто он вообще такой? Откуда выискался? Сам-то он в музыке, скорее всего, не разбирается. А я, как-никак, закончил Московскую консерваторию с отличием, а не какое-то там провинциальное музыкальное училище!

И вдруг как будто голос в моей голове произнёс: «На страшном Суде пред лицом Бога ты тоже про консерваторию будешь говорить? Что Ему твоя консерватория? Не о том думаешь. Не там акценты ставишь».

Теперь ещё и голоса... Так и до шизофрении недалеко. Эх, нелегко нам, творческим людям! Где найти понимающую душу?

Позвоню-ка я Светке. Мне как раз не помешает сейчас её весёлый молодой смех.

По дороге домой набрал номер её телефона.

– Привет. Это Владимир, узнала?

– Здравствуй, Владимир. И как это ты сам позвонил, а не я названиваю, отвлекая от священного действия по написанию очередной нетленки?

– Свет, давай встретимся. Я на машине, сейчас заеду за тобой.

– Да неужели мир перевернулся? Сам позвонил, предлагаешь встретиться... А знаешь? Пожалуй, я откажусь от твоего заманчивого предложения. За 15 минут удовольствия целый час петь тебе дифирамбы о том, какой ты гениальный композитор? Нет уж.

– Дура, – я отключил телефон.

Приехал домой, заскочив по дороге в «Ашан» и купив бутылку коньяка. Никого видеть не хотелось. Налив первую рюмку, залпом выпил. Опять музыка... И, кажется, чья-то тень в углу... С одной рюмки коньяка??? Всё, хватит! А то так и до белой горячки недалеко, – вон уже черти по углам мерещатся...

Давила усталость. Причём не физическая, а, как говорят, тяжело было на душе. Сел на диван. Опять в голове заиграли скрипки, сначала пианиссимо, но постепенно громкость звучания возрастала. Мелодия, от которой захотелось не то плакать, не то смеяться диким хохотом, не то повеситься. Причём последнее меня привлекало больше всего... С трудом отогнав от себя эту мысль, выпил снотворное – последний месяц без него не мог заснуть.

И вот загудели валторны, и появился он...

Сначала я ничего не понял: среди ночной темноты явно начал прорисовываться образ мужчины лет сорока, с удивительно правильными, красивыми чертами лица, с чёрными длинными волосами. Мужчина был одет в чёрный камзол XVIII века.

– Ну, здравствуй, Владимир, – произнёс незнакомец.

Я похолодел. Меня будто парализовало от страха. Не зная, сон это или всё же белая горячка, я не мог выговорить ни единого слова.

– Нравится музыка, Владимир? Что же ты не записываешь? – усмехнулся он. – Да ты и не сможешь. Это уникальная мелодия. Кроме тебя, в этом мире я никому не позволял слышать её. Это мой Гимн. Только у меня ты сможешь наслаждаться этой музыкой сполна и вечно.

– Я хочу тишины, – прошептал я еле слышно.

– А как же слава? – он усмехнулся. – Ты её желал? Я тебе её дал. Ты хотел внимания? Я давал тебе женщин. Ты хотел денег? Они были у тебя. Что не так? Ты богат, знаменит, у тебя много друзей, которые тебя уважают.

– Я одинок. Меня окружают только льстецы и продажные женщины.

– Ну, ты слишком многого хочешь, – он улыбнулся. – За всё нужно платить. Или ты этого не знал? Ты талантлив, я бы даже сказал – гениален. Моего Гимна тебе, конечно, не написать никогда. Но зато ты сможешь создать множество другой музыки...

– Я всё понял, – перебил я его.

Он вдруг начал изменяться, превращаться в какое-то непонятное аморфное существо – не то женщину, не то мужчину, не то животное.

А потом растворился.

Я больше не мог оставаться дома один. Уже светало, наступило утро. А мне казалось, что прошло всего минут пятнадцать.

Выскочив из дома, я побежал к автомобилю. Руки дрожали, и в замок зажигания ключ попал только с третьего раза.

Я возвращался в монастырь к отцу Рафаилу.

– А я ждал тебя, Владимир, – старец уже встречал меня у ворот монастыря. – Ну, пойдём.

Мы опять пришли к нему в келью.

– Он приходил к тебе? – спросил монах.

– Приходил.

– По тебе видно: лицо бледное, руки трясутся... А чего же ты хотел-то?

Я молчал.

– Ну, садись, – вздохнул старец. – В прошлый раз я тебя слушал, а теперь послушай ты. Может, чего и услышишь.

– Есть у меня друг, – начал своё повествование отец Рафаил. – В годы своей юности играл он в одной популярной рок-группе на бас-гитаре и даже сам сочинял песни. Ездил с группой по разным городам, давая концерты. Много поклонниц, каждая из которых мечтала «составить его счастье» на долгую семейную жизнь. Но не было среди них той – единственной. Да и быть не могло. Что ему было до их восторженных взглядов? Он ждал свою одну-единственную. Товарищи посмеивались над ним: мол, вон, сколько девчонок красивых, а ты всё бирюком ходишь!.. Но что ему измениться? Он ждал и верил, что всё придёт в своё время... И пришло.

Пригласили как-то его рок-группу выступать на теплоходе во время круиза. Круиз был небольшой, непродолжительный – как раз укладывался в выходные дни. Они играли и пели свои песни – ну и, как обычно бывает на таких мероприятиях, на заказ исполняли популярные хиты. Их вокалист начал петь одну из песен, сочинённых моим другом. И вот он, приятель мой, замечает, что одна из официанток ресторана,

где они играли, остановилась – и так и прослушала всю песню, не сводя глаз со сцены. А он играл – и, как говорится, «глаз не мог от неё оторвать».

– Так вот, – продолжил отец Рафаил. – Они отыграли свою программу и собирали инструменты. А эта официантка тихонечко так подходит к их вокалисту и говорит: «Песня Ва-ша, «Я слышу музыку», чудесная! Это Вы её сочинили?». «Да нет», – отвечает ей вокалист. «Эту песню написал Никита, наш бас-гитарист». И показывает на моего друга. Она подходит к нему: «Песня у Вас... никогда не думала, что музыка так может проникать в душу».

А он ведь и писал эту песню именно для той, которая сможет услышать за просто хитовой рок-песней истинный смысл, понять душу его... И вот эта девушка стоит перед ним.

После этого двухдневного круиза они обменялись номерами телефонов в надежде, что встретятся снова. Но Господь распорядился иначе.

Я молчал, не смея перебивать отца Рафаила.

– Он позвонил ей не сразу, – продолжил старец, – примерно через неделю, потому что их коллектив сразу отправился на концерт в другой город. Так вот... Когда он наконец-то позвонил, трубку взяла, как потом выяснилось, её мама и, рыдая, сказала, что Люды (так звали девушку) больше нет. Два дня назад её на пешеходном переходе сбил пьяный водитель...

Её давно уже нет, но до сих пор он вспоминает о ней со светлой радостью...

А что *ты*, Владимир, мне можешь сказать на это? Можешь ли ты со светлой радостью вспомнить среди всех твоих женщин хоть одну?

У меня перед глазами явственно всплыл образ, как

мне казалось, давно забытый...

Это были даже не два дня, как у приятеля отца Рафаила, а всего несколько часов.

Стоял погожий летний день, и я решил пойти в парк, чтобы отдохнуть мыслями от повседневных дел, от частой переписки по интернету, от телефонных звонков.

Я сидел на скамейке в парке и просто наслаждался летним тёплым днём, стараясь не думать ни о чём. Тут подошла она: «У Вас не занято? Можно мне присесть, а то голова кружится – жарко очень». «Да, присаживайтесь...»

Она села, не глядя на меня и не пытаясь завести со мной разговор. Во мне же, напротив, девушка вызвала неподдельный интерес. Я первым заговорил. Мы общались часа три. Казалось, она понимает меня с полуслова, а я – её. Потом – сам не знаю, как получилось – я её поцеловал. Это был внезапный порыв, совершенно не обдуманый, но очень желанный. Она несколько этому не удивилась. У неё засияли глаза, и она прижала мою голову к своей груди.

Я ей не говорил, кто я, чем занимаюсь. Не спрашивал и её об этом. Мы встретились три часа назад, но чувствовали себя так, будто знакомы много лет. Она произнесла: «Я хочу смотреть на мир твоими глазами; хочу видеть то, что видишь ты, чувствовать то, что чувствуешь ты; слышать ту музыку, которую слышишь ты».

Мы просидели так ещё около часа. Она просто гладила мои волосы и иногда целовала мои руки.

Вдруг раздался телефонный звонок. Это звонил довольно известный кинорежиссёр, который хотел в своём новом фильме использовать мою музыку.

Разумеется, я сразу же переключился на деловой разговор, а она никак не напоминала о своём присутствии. Режиссёр предложил встретиться, поэтому я быстро простился с девушкой и поспешил на важную встречу.

На прощанье она сказала: «А я хотела слушать музыку вместе с тобой...».

Больше я не видел её никогда.

– ...Была одна девушка, – ответил я старцу.

– Ты сделал её счастливой?

– Возможно, я разбил ей сердце...

В келье повисло молчание. Старец, казалось, о чём-то задумался. Я не прерывал его мыслей.

Наконец он произнёс:

– Оставайся здесь. Куда тебе идти?

– В монастыре? – удивился я.

– Да.

Я не был готов к подобному повороту событий. О каком монастыре может идти речь? Я – известный композитор, мне столько ещё предстоит написать музыки! Что такое говорит этот старец?

– Извините, батюшка, – ответил я, – но думаю, это не то, что мне сейчас нужно.

– Ты уверен? В любом случае, решать тебе, – не стал настаивать отец Рафаил.

Выйдя из монастыря, я сел в машину. И куда теперь? Дома меня никто не ждёт, а ехать к кому-то совершенно не хотелось...

И тут у меня возникло сильное желание – поехать в тот самый парк, где я встретил её.

Я завёл автомобиль и поехал, по дороге вспоминая тот самый летний день: её улыбку, её восхищённый взгляд, её прикосновения...

– КУДА ТЫ ДЕНЕШЬСЯ ОТ МЕНЯ, ВЛАДИМИР?

– Владимир Александрович, Вы меня слышите? Владимир Александрович!

Я с трудом открыл глаза. Всё тело нестерпимо болело. Надо мной склонился какой-то незнакомый человек в белом халате.

– Владимир Александрович, я Ваш лечащий врач. Вчера Вас привезли на «Скорой помощи» после аварии. У Вас перелом левой руки и множественные ушибы. Это чудо, что Вы живы. Можно сказать, в рубашке родились.

– Что случилось? – спросил я, ещё до конца не понимая ситуации и пытаюсь вспомнить хоть что-то из того, что мне рассказывал сейчас этот человек.

– Ваш автомобиль столкнулся с грузовой машиной. Совершенно удивительный случай. ГИБДД до сих пор не может понять, откуда взялась эта машина. Вы ехали, ничего не нарушая, и вдруг – столкновение с неизвестно откуда взявшимся грузовиком... Вы как себя чувствуете?

– Болит всё тело, – признался я.

– Ну, разумеется, – покивал врач. – После такой-то аварии Вы у нас положите ещё месяц.

Теперь ещё и это...

«КУДА ТЫ ДЕНЕШЬСЯ ОТ МЕНЯ, ВЛАДИМИР?»

Мне это послышалось, или кто-то действительно спрашивал меня?

Ответ нашёлся сразу: спрашивал мужчина в чёрном камзоле XVIII века...

Так я пролежал в больнице неделю, обдумывая всё, что со мной происходило в последнее время. Однажды медсестра, войдя в палату, сказала:

– Владимир Александрович, к Вам пришли.

Думая, что это кто-то из моих родственников или дру-

зей, я поднялся с кровати.

Но я ошибся в своих предположениях.

Это была **она** – девушка из парка.

Через десять лет...

– Здравствуй, – начала она разговор первой, потому что я от изумления не мог выговорить ни слова, – наконец-то я нашла тебя.

– Как ты нашла меня? – справившись с нахлынувшим волнением, спросил я.

– Тогда в парке ты ушёл, даже не дав номер своего телефона. И не спросив номер моего... А я не могла забыть тебя. Нашла через интернет в социальной сети, но не стала напоминать о себе: у тебя, как выяснилось, жена, дети...

– Зачем же сейчас пришла?

– Я не знаю... Последнюю неделю ты стал мне сниться каждую ночь. Места себе не находила. И решила наконец-то написать тебе. Но мне никто не ответил. Тогда я обратилась к человеку, который значился у тебя в «лучших друзьях». Он-то мне и сказал, что с тобой произошло.

– Ты замужем? – зачем-то задал я совершенно неуместный сейчас вопрос.

– Да, – ответила она, – у нас дети....

– Любишь его?

– Люблю.

...Теперь я отец Адриан. День тезоименитства – 16 февраля (в честь мученика Адриана Ванейского, Палестинского). В монастыре являюсь регентом нашего братского хора. Музыку писать не перестал, но мужчина в чёрном камзоле больше никогда не появлялся.

Час назад звонили дети, очень хотели повидаться.

Скоро придут.

Со светлой печалью и радостью вспоминаю образ той одной – единственной.

Жизнь моя...

Любовь моя вечная...

Всё начинается с любви

Остановка. В душу не пускаю
Мысли о несбывшейся мечте.
Я огнём и ветром заклинаю
Раствориться в вечной пустоте.

Нет ответа от тебя... Ни звука...
Сердце леденеет от тоски,
Каждый раз с тобой встречаться – мука.
Я молчу, моя душа – кричит.

Боль мою сожги в огне презренья, –
Невпопад всё так же говорю.
Я схожу с ума, мне нет спасенья...
Я Вас ненавижу... и люблю.

Хуго Симберг (1873-1917). «Раненый ангел». 1903 г.

РАНЕНЫЙ АНГЕЛ

«Каждый из нас ангел, но только с одним крылом. И мы можем летать, только обнявшись друг с другом».

(Лучано Де Крешенцо - итал. писатель, кинорежиссёр, актёр)

– И зачем я только сюда приехал? Ведь говорил же внутренний голос: что ты тут забыл? Что не видел-то в этой глуши? Нет ведь – захотелось своими глазами посмотреть на «исторический памятник деревянного зодчества», понимаешь ли! – так я ругал сам себя.

Наверное, следует объяснить случившуюся со мной историю и рассказать немного о себе.

Меня зовут Олег, я достаточно известный пианист, выступаю с концертами в России и за её пределами. Живу в Москве. Семьи нет и, видимо, уже не будет: в пятьдесят лет полностью менять привычный уклад жизни я не собирался.

Жизнь у меня достаточно насыщенная, поэтому дома я с удовольствием предавался одиночеству, пытаюсь отдохнуть от концертов, постоянных встреч и телефонных разговоров. Однако даже дома это удавалось не всегда, поэтому я и решил уехать из Москвы в Карелию, где уж точно смогу расслабиться и насладиться красотой природы, знаменитыми карельскими озёрами и лесами.

И всё поначалу было, как я и планировал. Но тут, на мою беду, один местный житель рассказал про удивительную церквушку, по его словам – уникальный памятник архитектуры, очень древний, построенный без единого гвоздя. К тому же храм этот – почти волшебный: в советский период его пытались сжечь, но он каким-то чудесным образом не горит. Ну, и расписал местный всё это так красочно, что мне непременно захотелось увидеть это уникальное сооружение. Но, говорил он, находится эта церковь в очень глухом месте, в одном маленьком селе, куда можно проехать только на внедорожниках, потому что асфальтовую дорогу туда никто не прокладывает, да и не собирался прокладывать в ближайшем будущем.

– Давайте уж сразу на тракторах, – поиронизировал я.

– А что? – искренне отвечал мне местный житель. – И на тракторах люди туда ездят, коли деваться некуда.

Потом он мне долго объяснял, как же туда добраться. В итоге решил сам меня отвезти, тем более что он родом из этого села, и там у него живёт бабушка.

Не вдаваясь в подробности нашего с ним путешествия (об этом можно было бы написать отдельный рассказ), упомяну только, что в село это мы прибыли уже под вечер.

Проводник мой сразу же сказал, что обратно никуда не поедет (к тому же собирался дождь), и, хочу я этого или нет, ночевать мы будем здесь, у его бабушки. А уж с утра спо-

койно посмотрим местную достопримечательность и вернёмся обратно.

Я спорить не стал. К тому же погода действительно испортилась, и было видно, что одним мелким дождичком дело не кончится.

Мой экскурсовод привёл меня в свой родовой дом, представил деду, который очень гостеприимно нас встретил, сразу же предложив отведать наливки по старинному рецепту, выведенному случайно у местного священника.

За ужином дед Матвей (так звали дедушку моего проводника) начал рассказывать о селе. Выяснилось, что жилых домов здесь почти не осталось. Молодёжь вся поразъехалась в город. Оно и понятно – школа в селе только начальная, работы почти нет, все заняты сельским хозяйством. Есть, правда, один магазинчик на все случаи жизни и даже небольшая библиотека (последнее обстоятельство меня откровенно удивило, и я решил непременно посетить ещё и эту достопримечательность, раз уж всё равно приехал).

Дед Матвей вызвался на следующий день провести для меня экскурсию по всей деревне, посоветовав непременно посетить одну бабку, которая за пачку гречки, риса и связку бананов поведаёт мне моё будущее. Упомянутое же будущее она обязательно увидит в специальном образом разложенных зёрнах мною же принесённой крупы. Я вежливо отказался от такого заманчивого предложения, пояснив, что сам узнаю своё будущее по чётко организованным на линейках овальчикам с палочками и хвостиками. Дед Матвей, похоже, нот никогда не видел, поэтому проникся, уважительно посмотрел на меня, и поход к бабке мы решили вычеркнуть из списка.

Но на следующее утро нам пришлось полностью пересмотреть наши планы: всю ночь шёл очень сильный дождь, какого давно уже не видели местные жители, и речка, про-

текающая рядом с селом, вышла из берегов, отрезав путь для возвращения.

Я был глубоко расстроен этим обстоятельством, тем более что неясно было, как долго мне придётся оставаться в этой глуши. Дед же Матвей, наоборот, был очень доволен тем, что я задержусь у него на какое-то время: обо мне, как совершенно новом тут лице, весть разнеслась очень быстро, и его дом стал местом паломничества почти всех жителей села. Постепенно в доме деда Матвея перебивали почти все местные обыватели, включая уже упомянутую бабушку с крупой, которая, как я ни сопротивлялся, всё же нагадала мне скорую и сильную любовь с очень серьёзным исходом.

Поняв, что мой отъезд из Москвы ничего не поменял (побыть в уединении и блаженном созерцании красот природы мне не дадут), я напомнил своему экскурсоводу о цели своего приезда. Взяв зонт (дождь всё не прекращался), мы наконец-то отправились в церковь.

Увидев её, я мгновенно перестал жалеть, что приехал сюда: она действительно была уникальна! По крайней мере, я такой ещё не встречал. Просто не верилось, что подобное чудо можно было построить без гвоздей и без применения каких-нибудь технологий. Зайдя внутрь, я изумился ещё больше: как в такой глуши могло находиться настоящее сокровище?! Старинные иконы, фрески, потрясающие своей красотой, витражи на окнах... Было ощущение, что я попал в сказку.

Нас встретил батюшка Алексей (так он представился), который провёл для меня подробную экскурсию по храму, предложив после службы отведать наливочки по старинному секретному рецепту. Я согласился, тактично умолчав, что сей тайный рецепт знает и всюю использует по прямому назначению дед Матвей.

После вечерней службы, во время которой меня всё

не покидало ощущение чуда, я, как и обещал, остался общаться со священником. Отец Алексей оказался очень интересным рассказчиком, поведав мне историю села вообще и его церкви в частности. Так же, как и дед Матвей вчера, посокрушался, что тут почти нет молодёжи – все подались в город, только летом приезжают. Хорошо ещё, Ульяна, крестница его, осталась. Но, к сожалению, оно и понятно – у девочки большое сердце, волноваться ей нельзя, а в городе – сплошные стрессы. Здесь-то спокойнее будет.

Мы выпили за здоровье Ульяны.

На следующий день также не было никакой возможности уехать: речка и не думала возвращаться в свои берега. От постоянных посетителей я немного устал, захотелось побыть одному. Твёрдо заявив деду Матвею, что на сегодня церемония приёма гостей окончена, я пошёл прогуляться по селу.

Симпатичные домики и ухоженные огородики совершенно не вязались с понятием «глухое село», и это мне очень понравилось. Пробегавшие мимо собаки смотрели на меня с нескрываемым подозрением: они, конечно же, знали всех местных жителей в лицо, а я был чужаком, от которого неизвестно, чего ожидать.

Посмотрев по сторонам, я увидел здание, про которое мне говорил дед Матвей – библиотеку. Я немедленно направился туда, так как ещё вчера решил обязательно посетить эту достопримечательность.

Внутри сельская библиотека ничем особым не отличалась: небольшое помещение, стеллажи с книгами... За столом сидела симпатичная молодая девушка и увлечённо читала.

– Здравствуйте! – поприветствовал я хозяйку библиотеки.

Девушка определённо не ожидала увидеть здесь незнакомое лицо.

– Добро пожаловать, – чуть растерянно ответила она.

– Меня зовут Олег, – представился я и рассказал историю своего приезда в их село.

– Да, церковь у нас удивительная, – согласилась со мной девушка.

Я поинтересовался, как её зовут, и выразил удивление по поводу того, что она живёт здесь, в то время как вся молодёжь, наоборот, старается уехать в город.

– Меня зовут Ульяна, – ответила девушка и добавила чуть смущённо: – А можно – Лиана. У меня тут живут родители, я одна у них. На кого же я их оставлю? Да и была я в городе, пока училась в институте. Шумно там – людей много, машин, все куда-то спешат. А здесь я привыкла, здесь всё своё, родное.

Я понял, что передо мной – крестница отца Алексея.

Было лето, поэтому посетители в библиотеку не заходили, и это дало нам возможность пообщаться. Ульяна оказалась интересной собеседницей. Видно было, что она проводила за чтением книг очень много времени. События, про которые она читала, люди, которых встречала на страницах книг, стали для неё частью жизни. Выяснилось, что Лиана сама писала стихи. Я тут же попросил прочесть их. Девушка, смущаясь, прочитала два своих стихотворения, которые весьма тронули меня.

С этого момента пребывание в сельской глуши вовсе не казалось мне таким уж тягостным. Утром и вечером я ходил на службу в ту самую церковь, ради которой, собственно говоря, и приехал. Днём – забегал в библиотеку и подолгу разговаривал с Ульяной. Когда же её рабочее время заканчивалось, мы ходили с ней в лес или на речку. Я начинал к

ней привыкать, мне уже нравился этот размеренный распорядок моего дня и не тяготил, как вначале.

Сама же хозяйка библиотеки мне необычайно нравилась: она была умна и невероятно мила. А её зелёные глаза меня просто завораживали. Эти глаза были даже не чисто зелёного цвета, а с каким-то болотным оттенком, и я понимал, что погружаюсь постепенно в эту изумрудную таинственность, из которой вряд ли смогу выбраться.

Как-то вечером дед Матвей обратился ко мне:

– Разговор есть к тебе, Олег.

Я приготовился слушать.

– Смотрю, повадился ты в библиотеку ходить, к Ульянке нашей. Ты смотри: мы её всем селом любим и в обиду не дадим. Сколько к ней женихов сваталось (сам видишь, какая красавица!), а она ни за кого замуж не пошла. Говорит, жду своего принца. А что ждать-то? Уже, как-никак, двадцать пять годков... Странная она, всё со своими книжками сидит. Да и разговаривает не по-нашему, а по-учёному: в точь вон, как ты.

– Мне очень нравится Лиана, – я понял, что мне лучше объясниться, – и по отношению к ней у меня самые серьёзные намерения. Я хочу забрать её с собой.

– Ульянку-то? – подобрел дед Матвей. – Да не поедет она. Сказано ж тебе – странная. Всем селом говорили: ездая в город, там и работа хорошая, и театры там всякие, и книжек читаешься своих вдоволь, и людей интересных встретишь. Что тебе с нами-то, стариками, сидеть? Вышла бы замуж за принца своего, детишек бы народили. А она – ни в какую.

– Я попробую уговорить её.

– Ты, Олежка, не обижайся только, но на принца никак не смахиваешь – в твои-то полста лет какой из тебя принц...

– Всё правильно: не принц... А уже король! – улыбнувшись, ответил я деду.

– Ох, разбирайтесь сами, – вздохнул он. – Но помни мои слова: в обиду не дадим.

На следующий день у моей милой хозяйки библиотеки был выходной, и мы пошли в лес – девушка хотела показать мне своё заветное место, куда она особенно часто любила приходить.

Мы шли уже полчаса. Я обдумывал, как лучше предложить Ульяне поехать со мной. Тут мы вышли на полянку, всю усыпанную полевыми цветами: здесь были и незабудки, и васильки, и ромашки, и лютики. Посреди поляны стоял огромный дуб – именно такие, наверно, принято называть вековыми.

– Вот сюда я и прихожу, – проговорила девушка, – приношу с собой книгу, сажусь под дерево, читаю и мечтаю.

– О чём же мечтаешь, Лиана?

– Теперь буду мечтать о тебе, – смущённо произнесла она.

– Но ведь ты можешь поехать со мной! Я достаточно известный пианист, у меня хорошая работа. Ты со своим образованием легко найдёшь работу в городе, если захочешь. Здесь тебе не место, – я окончательно понял, что уже не смогу никуда уехать от неё.

Я поцеловал Ульяну. Девушка нисколько не сопротивлялась, – наоборот, прижалась ко мне ещё крепче. В порыве нахлынувшей страсти я обнимал её хрупкое тело, целовал нежные губы, твёрдо решив, что увезу её с собой, увезу во что бы то ни стало.

Лиана явилась живым воплощением моей мечты о спутнице жизни: скромная, умная, красивая. С ней было интересно не только говорить, но и молчать. Я был уверен, что именно с этой женщиной – и только с ней – хочу провести остаток своей жизни.

– Я увезу тебя, – говорил я ей после.

– Я никуда не поеду с тобой, Олег, – грустно отвечала она.

– Ты не любишь меня? Не хочешь быть со мной? – я был обескуражен, потому что её ответные чувства не вызывали у меня сомнений.

– Люблю... Хочу... Но не могу.

– Ты никак не вписываешься в здешнюю жизнь, – пытался я переубедить девушку, – что тебя ждёт тут?

– Олег, родной мой, всю свою жизнь я буду думать о тебе, и последним словом, которое я произнесу, будет твоё имя, – на глазах Лианы появились слёзы.

– Я не понимаю... – прошептал я, не зная, какие подобрать слова, чтобы убедить мою любимую. – Я так долго искал женщину, с которой захотел бы связать свою жизнь, и нашёл её... тебя. Это судьба, ты понимаешь?

– Да, это судьба, – согласилась девушка и в слезах прильнула ко мне. – Ты мой мужчина, первый и последний, я люблю тебя больше жизни! С тобой я по-настоящему узнала, что значит быть счастливой. Спасибо тебе за это!

– Лиана, я заберу тебя с собой.

Девушка грустно улыбнулась.

Речка давно уже вернулась в своё русло, но я никак не мог покинуть село. Однако мой отпуск подходил к концу, и, хотел я этого или нет, пришло время собираться обратно.

Решив отправиться домой на следующее утро, я через деда Матвея связался со своим проводником. Тот пообещал приехать и забрать меня.

Ульяну я предупредил, что завтра утром мы уезжаем, поэтому ей необходимо собраться в дорогу. Девушка не от-

ветила отказом, и я решил, что она наконец-то согласилась ехать со мной.

Наутро прибыл мой проводник. Я уже был готов, поэтому пошёл сразу в дом, где жила Ульяна. Её встревоженная мать, открыв дверь, сказала, что девушки нет, и никто не знает, где она.

Половину дня мы провели в поисках Ульяны, расспрашивая всех жителей села. Безрезультатно – девушку никто не видел. Не теряя надежды, я отправился на наше с ней заветное место – к огромному дубу. Но и здесь её тоже не было.

Уже собираясь возвращаться в село, я случайно заметил свёрнутую бумажку, вставленную в трещину дубовой коры – это была записка от Лианы...

«Я не поеду с тобой, любимый мой, прости. У нас разные жизни и разные судьбы, их не соединить в одну. Всю жизнь буду любить тебя. Спасибо тебе за всё!»

Совершенно не понимая, почему же нельзя соединить наши судьбы, что этому может мешать, я вернулся в село. На душе было очень тяжело, уезжать без Лианы я не хотел, но и оставаться здесь дольше тоже не мог.

Я оставил родителям Ульяны все свои координаты и предупредил, чтобы, как только девушка вернётся, сразу же связались со мной. Взяв номера телефонов у отца Алексия и деда Матвея, с тяжёлым сердцем покинул ставшее уже родным селение.

В Москве меня сразу же захлестнул поток дел: предстоял важный гастрольный тур за границу, к которому необходимо было подготовиться. Я звонил родителям Ульяны, священнику и деду Матвею – все мне отвечали, что девушка так и не вернулась.

Затем я уехал за границу. По возвращении я сразу по-

звонил родителям моей Лианы. Трубку никто не брал. Дозвонившись до деда Матвея, я узнал, что Ульяна так и не возвращалась, а её родители уехали навсегда из села и никому не сказали, куда.

Я был совершенно ошеломлён этой таинственной историей. Понимая, что, скорее всего, уже никогда не увижу свою любимую, забросил все свои дела.

– Лиана, девочка моя. Сильную любовь к тебе мне нагадали ещё в твоей деревушке, – я невольно улыбнулся, вспомнив колоритную бабку с зёрнами. – А вот и серьёзный исход: я потерял тебя, потерял навсегда...

На неделю я выпал из общественной жизни, не отвечая на телефонные звонки. По прошествии этого времени ко мне в дверь уже ломился мой разгневанный приятель, он же «по совместительству» мой концертный директор.

– Олег, ты что вытворяешь? Предстоит концерт, а ты не соизволишь брать телефонную трубку. Что за безответственность такая?

Я вкратце объяснил ему, что же произошло.

Приятель мне посочувствовал, но справедливо заметил, что людей, которые придут ко мне на концерт, не очень-то будут интересоваться мои личные проблемы, поэтому я должен взять себя в руки и начать заниматься.

Прошёл год с той удивительной встречи в карельской глуши.

Я работал, концерты были. Несколько раз звонил отцу Алексию и деду Матвею, но ответ был всё тот же: семья Ульяны уехала неизвестно куда, и никто о моей девочке ничего не знает.

Однажды утром мне позвонил отец Алексей и просил меня по возможности быстрее приехать. Я встревожился: что

же такое могло произойти? Может, появились новости о моей любимой? По телефону священник мне ничего так и не ответил, как я его ни выпрашивал. Обмолвился только, что дело срочное и касается Ульяны. Мне этого было достаточно.

Я, бросив все свои дела, сразу же отправился в путь, надеясь узнать что-то о Лиане.

В Петрозаводске на станции меня уже встречал мой бывший проводник. Видимо, он был в курсе всего, потому что на мои вопросы отвечал очень уклончиво, а большей частью предпочитал молчать. Поняв, что у него так ничего и не узнаю, я решил подождать и выяснить всё на месте.

В селе меня ждал отец Алексей. Вид у него был очень встревоженный, он явно не знал, как начать разговор. Я забеспокоился: не случилось ли чего?

В общем... выяснилось, что никуда семья Ульяны не уезжала, а весь этот год жила, как и всегда, здесь. Но от меня этот факт решено было скрыть по просьбе самой Ульяны, которая, кстати говоря, вернулась на следующий же день после моего отъезда.

– Но почему? – я был возмущён. – Почему Вы скрыли от меня это? Я же не хотел сделать ей ничего плохого! Наоборот: я люблю её и хочу, чтобы она стала моей женой!

– Не торопись, – грустно ответил отец Алексей, – я всё тебе расскажу. Мне и так нелегко вести этот разговор.

Я взял себя в руки и приготовился слушать дальше.

– Предлагал я Ульяне всё рассказать тебе, но она наотрез отказалась, – продолжал священник. – Примерно через месяц после того, как ты уехал, выяснилось, что моя крестница ждет ребёнка.

– Что? – я едва не потерял дар речи. – Но почему же от меня всё скрыли?

– Говорю же, Ульянка так хотела. Я же рассказывал в нашу первую встречу, что у неё проблемы были с сердцем.

Так вот: врачи запрещали ей рожать, но она никого не слушала: уж больно сильно любила тебя.

Я помрачнел, предчувствуя нехорошее.

– Она говорила: вот рожу ребёночка, а там и сообщим, – продолжал отец Алексей. – Не хотела, чтобы ты раньше времени волновался.

– Так что же в итоге произошло? – еле слышно проговорил я.

– Пойдём со мной, – вздохнул священник и повёл меня из села.

По дороге я начал понимать, куда ведёт меня бабушка. Это было нашим заветным местом: полянка, посреди которой стоял вековой дуб.

И только тут до меня окончательно дошло, что мне больше никогда не увидеть своей Лианы – под огромным деревом, где я так часто проводил с ней самые счастливые минуты моей жизни, была её могила.

Отец Алексей молчал. Да и что тут было говорить?

Я не смог справиться со своими эмоциями и зарыдал, упав на колени рядом с могилой.

До этого момента я ещё жил надеждой на возможную встречу с Лианой. Теперь у меня не осталось и этой надежды. Ничего, совсем ничего. Одни воспоминания.

Священник ждал, пока я хотя бы немного успокоюсь. Видя, что слёзы не приносят мне никакого облегчения, он приблизился ко мне и тронул за плечо:

– Пойдём.

– Я хочу остаться здесь ещё, – сквозь рыдания произнёс я.

– Пойдём, Олег, пойдём. У меня кое-что есть для тебя от Ульяны.

Я сразу встал.

Неужели Лиана что-то передала мне?

Мы вернулись обратно в село и сразу же отправились к родителям умершей девушки. Я не знал, что сказать им... Да и, по правде говоря, слова здесь были неуместны – их горе я понимал, как никто. Они, видя мои страдания, тоже не стали ничего говорить, её мать просто провела меня в соседнюю комнату. Там, в маленькой кроватке, спал ребёнок. На вид ему было месяца четыре.

– Это дочка Ульяны, – отец Алексей подошёл к нам, – и твоя.

Я был потрясён.

– Ребёночка удалось спасти, а Ульяночку нашу не смогли, – тихо проговорила мать.

Я посмотрел на свою дочку: как же она напоминала мою Лиану! Такие же зелёные с болотным оттенком глаза... Так вот что передала мне моя возлюбленная – частичку себя! У меня вновь выступили слёзы на глазах, но это были уже не слёзы отчаяния, а скорее – умиления и смирения. Моя Лиана пожертвовала своей жизнью, чтобы наша с ней любовь продолжала жить в дочери.

– Девочку зовут Люба, – сказал священник, – Любовь. Это Ульяна хотела так назвать. Говорила, если, Бог даст, родится девочка, назовёт её Любовью, в память о вашем с ней чувстве.

С тех пор прошло уже десять лет. Я работаю – преподаю фортепиано в Московской консерватории, даю концерты, как и прежде.

Но теперь я уже не один: со мной моя дочь, уже совсем большая девочка, пойдёт в пятый класс. Как же она похожа на свою маму! Когда я смотрю на Любаву, вспоминаю

мою Лиану – единственную женщину, которую я любил, и которая смогла сделать меня счастливым.

Когда выпадает возможность, мы с дочерью навещаем родителей Ульяны. Они всегда с радостью встречают меня и свою внучку, которую очень любят и по которой сильно скучают.

Я же прихожу к Ульяне в наше заветное место.

Вот и теперь я принёс ей подснежники – они такие же нежные и скромные, какой была и моя любимая.

Подснежники – символ надежды, символ возрождения, символ победы вечных сил добра в этом бесконечном противостоянии жизни и смерти.

Тебе, моя любимая...

Ноябрь 2014

Призыв

Тёмных каскадов грозное пламя,
Из пепла воскресну, разрушив границы.
Встану, решившись, под твоё знамя
И полечу свободною птицей.

В крепких объятиях сильных ладоней
Быть я хочу приручённой тобою
И, растворившись в сладостном стоне,
Вновь призываю идти за собою.

Не посмотрю на это беспутство,
Не убегу я от пилигрима,
Веря в волшебную силу искусства, –
Дева, рождённая для Лоэнгрина.

АНГЕЛЫ И МУЗЫ

*«Нас посещают ангелы, но мы узнаём их лишь после того,
как они отлетели прочь»*

Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), англ. писательница (1819-1880)

Я встретил её одним тёплым летним днём. Возвращался на машине с работы. Очень хотелось немного прохлады в этом душном и пыльном городе. Проезжая мимо парка с прудом, решил свернуть, чтобы просто посидеть, глядя на воду.

Но мой душевный отдых явно откладывался...

На берегу пруда стояла девушка и упоённо дирижировала солнцем, деревьями, облаками, водой... Я сначала просто смотрел на нее, а потом решил всё-таки подойти.

– Вы умеете управлять природой? – не спрашивая имени, задал я более интересовавший меня в тот момент вопрос.

– Конечно, – нисколько не смущаясь, ответила девушка.

– Так вот кому мы обязаны такой чудесной погодой! – улыбнулся я. – Но Вам не кажется, что вы перестарались с температурой? Однозначно, в городе слишком жарко.

– Хорошо, сейчас я всё исправлю.

Она, словно искренне веря, будто сможет что-то поменять, начала опять вдохновенно дирижировать.

И тут – по чистому совпадению, конечно – пошёл мелкий дождик.

– Вы колдунья? – спросил я её.

– Да, – совершенно серьёзно ответила девушка.

Мы спрятались от дождика под деревом с густой листвой.

– Как Вас зовут? – наконец-то спросил я.

– Анастасия.

– Меня – Анатолий, – я представился сам, потому что незнакомка не спешила узнать моё имя.

Она посмотрела на меня с улыбкой:

– Вот мы и встретились, Анатолий.

В разговоре выяснилось, что девушка – актриса, и театр – вся её жизнь. Анастасия была гораздо моложе меня, но порой рассуждала, как умудрённая жизнью женщина. Скорее всего, это была тоже одна из её ролей. Игра на сцене – игра в жизни.

– Почему ты пришла сегодня в этот парк? – спросил я Анастасию.

– Чтобы встретиться с тобой.

Разрешите представиться – Анатолий. Я педагог по композиции в одном музыкальном ВУЗе. Вся свою сознательную жизнь занимаюсь написанием музыки. Нужно сказать, довольно успешно. С высоты прожитых лет могу заверить, что вполне доволен своей жизнью. Я занимался и продолжаю заниматься любимым делом, у меня хорошая работа, красивая и добрая жена.

С Лидией мы познакомились ещё в пору нашей молодости. Я только-только закончил консерваторию, и мы с однокурсниками решили отметить такое знаменательное событие. Денег на рестораны особо ни у кого не было, поэтому все отправились к старосте нашей группы. Вот в этой-то весёлой компании я и встретил Лидию (она была сестрой приятеля, в квартире у которого мы собрались). Мне сразу понравилась эта симпатичная белокурая девушка с ясными голубыми глазами. Она училась на последнем курсе филологического факультета и видела себя в будущем известной

поэтессой.

Сейчас у нас двое взрослых детей: дочери – восемнадцать лет, сыну – пятнадцать. Лидия посвятила свою жизнь мне и детям, ограждая меня от всяких бытовых хлопот, давая заниматься главным делом моей жизни – написанием музыки. В свободное от домашних дел время (сейчас, когда дети подросли, его стало гораздо больше) она пишет стихи, которые по вечерам читает мне. Известной поэтессой она не стала, но во мне нашла искреннего поклонника и благодарного слушателя.

Анастасия... Тасенька... В переводе с греческого это имя означает «возвращение к жизни, воскресшая, бессмертная».

– Ты и в самом деле бессмертна? – спрашивал я, улыбаясь.

– Да, я бессмертна, – начинала играть очередную роль Анастасия. – Я бессмертна! Я буду всегда жить в твоих воспоминаниях!..

Тот парк стал местом наших постоянных встреч. Я не знал, откуда она приходит и куда возвращается. Мне это было неинтересно, а она сама не рассказывала. Я иногда не серьёзно думал, что Анастасия, как русалка, жила в этом парковом водоёме и выходила на берег только для встречи со мной.

Эта девушка стала для меня необъяснимой загадкой. Даже находясь вдали от неё, я беспрестанно думал о ней, желал её. При встрече же не мог насмотреться на неё, наговориться с ней. Её объятия, её ласки, её поцелуи сводили меня с ума, и я понимал, что не хочу искать спасения от этого огня страсти.

Анастасия стала для меня Музой, вдохновляющей на написание чудесной музыки. Думая и мечтая о ней, я мог писать и патетическую симфонию, и лирический ноктюрн, и шутивную юмореску. И это всё было о ней.

Она испытывала потребность быть любимой, чувствовать заботу, ласку, нежность. Сама же, казалось, всё время пыталась ускользнуть из моих рук.

Я делился с ней своими знаниями, своим жизненным опытом. Она с жадностью ловила каждое моё слово, пытаясь посмотреть на мир совершенно с другого, неизвестного ей, ракурса. Ненасытное любопытство, постоянный поиск нового духовного опыта непреодолимо тянули её ко мне.

А потом мы с семьёй уехали отдыхать на море. Я не видел Анастасию целый месяц и не звонил ей. Перемена места пребывания не повлияла на мои творческие порывы. Всякий раз, когда я уезжал куда-то, брал с собой нотную тетрадь, чтобы была возможность записать какие-то идеи, мотивы, мелодии. Так было и в этот раз.

Я думал о Насте. Она излучала столько энергии, что искры от неё долетали даже на такое большое расстояние. На море я полностью погрузился в написание очередного произведения. Взрослые дети предпочитали проводить своё время, как им больше нравилось – на всяческих экстремальных развлечениях и дискотеках. Лидия, как было ей свойственно, мне не мешала, и, когда я сочинял, присаживалась рядом и писала свои стихи, чтобы прочесть их мне после ужина.

Когда вернулся обратно, позвонил Тасеньке не сразу, только через неделю. Она была явно обижена, что я забыл её на целый месяц.

– Я сочинил симфонию, – пытался я хоть как-то объясниться, оправдаться перед ней.

– Симфония – это я, – ответила Анастасия, имея в виду значение этого слова как гармоническое сочетание чего-либо. – А меня нет необходимости сочинять. Я уже у тебя есть.

Да, в ней сочетались, казалось бы, совершенно несочетаемые эмоции, мысли, поступки. Но я бы не рискнул назвать это гармоничным.

Мы были с ней опять в парке.

– Как я завидую твоему роялю! – произнесла она.

Я вопросительно посмотрел на неё.

– Хочу оказаться на его месте, – пояснила девушка, – чтобы ты каждый день прикасался ко мне своими пальцами.

Больше всего она любила целовать мои руки.

– Ты – мой мужчина, ты – мой учитель, ты – гений! – восторженно говорила Анастасия.

– Ты – моя Муза, – в ответ произносил я.

Дома меня встречала жена.

– Тоша, у нашего сына опять несчастная любовь. Кажется, он расстался со своей девушкой. Я с ним, как могла, поговорила. Поговори и ты с ним, как отец.

У детей всегда были более доверительные отношения с матерью. Это и понятно, так как из-за своей деятельности я часто «выпадал» из существующей реальности. Тем не менее, дети меня любили, уважали и прислушивались к моим советам.

Поговорив с сыном и прояснив все нюансы его душевных переживаний, я сел ужинать с Лидией. Дочь была у подруги, а сын по вполне понятным причинам оставался пока у себя в комнате.

– Ну, как он? – с тревогой спросила жена.

– Как мог, успокоил его. Не так всё страшно, как могло показаться на первый взгляд. Обычное недопонимание между мужчиной и женщиной, особенно в их-то возрасте. Всё наладится.

Следующая неделя выдалась очень напряжённой, и я опять не звонил Анастасии. Когда мы с ней встретились, видно было, что она опять недовольна.

Я потихоньку начинал уставать от её частой смены настроения. Казалось, она всё время играет какую-то роль: то милой кокетки, то страстной героини, то скромной девицы. Для неё же подобные перевоплощения не представляли никаких проблем. Она была актрисой на сцене, она была актрисой и в жизни.

Изначально это было для меня источником невероятного вдохновения: было ощущение, что я влюблён не в одну девушку, а в нескольких одновременно. Однако её привычка держать всё под контролем действовала мне на нервы. Я, будучи по природе своей человеком достаточно независимым, не привык отчитываться перед кем-либо в своих поступках.

Она находилась в постоянном поиске, ни одна цель (деньги, любовь, слава или успех) не могла её удовлетворить. Для неё не было ничего вечного: то, что сегодня казалось совершенно неоспоримым, завтра оказывалось абсолютно бессмысленным.

– Я никогда не устану от твоего взгляда, твоей улыбки, твоих слов... – очередная её роль.

И тем не менее – она устала.

Просто перестала звонить.

Поначалу, занятый своими делами, я как-то даже и не

заметил её отсутствия. Но по прошествии двух недель решил позвонить. В телефонной трубке раздалось: «Такого номера больше не существует». Скорее всего, она просто сменила номер, а её адреса я так и не узнал.

Муза моя, моя колдунья, неизвестно откуда появившаяся и неизвестно куда ушедшая...

– Анатолий! – голос жены вывел меня из раздумий. – Мне только что звонил один известный хоровой дирижёр. Он прочёл мою поэму и захотел, чтобы его хор исполнил её. Ты сможешь написать музыку?

– Да, мой ангел, – грустно улыбнулся я.

Ноябрь 2014 г.

*«...Зла, добра ли?— Ты вся — не отсюда.
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад...»*

*...И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!»*

Александр Блок

СТРАННИК

– Bravo! Бис!

– Bravo, маэстро!

Зал рукоплескал. Восторженные возгласы раздавались отовсюду.

Я встал из-за рояля, привычным жестом убирая рукой волосы со лба.

Нескончаемые аплодисменты, букеты цветов.

Мой взгляд выхватил из восторженной публики девушку, сидевшую недалеко от сцены. Девушка была худая, бледная, с длинными чёрными волосами.

Уже за кулисами ко мне подбежал администратор концертного зала:

– Александр Владимирович, bravo! Как всегда, это было великолепно! Публика в полном восторге! Давайте я сейчас распоряжусь выделить водителя, который отвезёт Вас в гостиницу.

– Не беспокойтесь, – ответил я, – здесь недалеко, пройду пешком.

Выйдя на улицу, взглянул на афишу: «Только сегодня в нашем городе композитор и пианист Александр Мадьярский! Удивительной силой своей музыки исцеляет от душевных и физических недугов!».

Вот так. Сегодня я здесь, завтра – в другом городе, послезавтра – в третьем... Вечный странник. Каким-то удивительным образом музыка, которую я сочиняю и исполняю, благотворно влияет на людей, исцеляя их. У меня есть этот дар. Значит, это – моя судьба, мой путь.

В другом городе:

— Маэстро, Ваша музыка чудесна!

— Спасибо Вам за музыку, Вы — гений!

И в этом зале я вновь столкнулся взглядом с той самой худощавой девушкой с длинными чёрными волосами.

«Совпадение? Или очередная поклонница? А впрочем, какая разница...»

Мой гастрольный тур длился целый месяц. В каждом городе меня встречала благодарная публика, среди которой я неизменно видел ту худую, бледную и черноволосую незнакомку.

«Если она — такая преданная поклонница, то почему ни разу не подошла ко мне после концерта?» — удивлялся я, не понимая.

Ловил себя на мысли, что уже жду её на каждом своём концерте — в надежде потом встретить за кулисами. Но после выступления она исчезала.

Мои гастроли закончились, и я наконец-то вернулся домой — в Москву. В квартире меня ждал только мой кот Диез (имя для кота невероятно глупое... но подходящее). Диез всегда повышал моё настроение своим присутствием. А мурлыканием — даже не на полтона, а гораздо выше. И тогда я звал его Дубль-диез. Кота это, понятно, нисколько не смущало. В принципе, этой рыжей пушистой мордочке было всё равно, как я к нему обращаюсь, главное — вкусно и вовремя кормлю. (Во время моих гастрольных отлучек кота кормила пожилая добродушная соседка, которой я, само собой, оставлял деньги на прокорм Диеза).

Кот был, кот ждал... А семьи не было — не сложилось. Да и как она могла сложиться с моей деятельностью? То на гастролях, то хоть и дома, но весь погружённый в написание

музыки... И если мой совершенно независимый котяра с этим легко смирился, то жену такое положение дел вряд ли бы устроило.

...Это началось довольно давно. Совершенно случайным образом обнаружилось, что музыка, которую я пишу, очень благотворно воздействует на людей. Сотни благодарных отзывов, постоянные приглашения выступить с концертом в их городе...

Вот так и живу – «сапожник без сапог». Помогаю всем излечивать душевные переживания, а со своими справиться не могу.

По молодости-то я даже и не чувствовал никакого одиночества: постоянная смена мест пребывания, разные города, разные люди.

А сейчас, по прошествии стольких лет, возвращаюсь в пустую квартиру, где меня никто не ждёт, кроме мурлыкающей животинки...

Внезапно раздался звонок в дверь. Я никого не ждал, поэтому с некоторым удивлением пошёл встречать неожиданного гостя.

Открыв дверь, я потерял дар речи: неожиданным гостем, – вернее, гостьей, – была та самая девушка с длинными чёрными волосами. Я впервые видел её так близко. На вид ей было лет тридцать.

– Меня зовут София, – представилась девушка.

Я, оправившись от секундного шока, пригласил её войти.

– Вы, верно, удивлены моим неожиданным появлением?

– По правде сказать, весьма... Я привык Вас видеть на своих концертах и действительно не ожидал такого появ-

ления у себя дома.

– Разрешите, я расскажу причину моего прихода к Вам.

Я пригласил её пройти в комнату.

– Я прихожу почти на все Ваши концерты.

– Я это заметил.

– В надежде, что Вы мне поможете, – продолжила София. – Всем известно, что своим творчеством Вы спасаете многих людей от душевных страданий, а порой и от физических недугов. Я приходила с надеждой. Но почему-то мне не помогает. Поэтому я пришла лично к Вам.

София говорила, а я поймал себя на мысли, что хочу вот так просто сидеть с ней и разговаривать всю свою оставшуюся жизнь. И я предложил:

– Хотите, я сыграю лично для Вас?

– Это было бы замечательно.

Я сел за рояль и начал играть «Успокоение». Это было одним из моих самых любимых и самых интимных сочинений.

Закончив играть, я посмотрел на Софию. Её взгляд выражал одновременно и восхищение, и боль, и надежду.

– Спасибо Вам, – произнесла она.

– Я всегда буду рад видеть Вас на своих концертах. И если захотите поговорить со мной, всегда буду готов Вас выслушать.

– Спасибо, Александр Владимирович.

– Можно без отчества, – улыбнулся я.

– Спасибо Вам, Александр.

И она ушла.

С той встречи прошло полгода. Я не встречал больше Софию на своих концертах и был встревожен этим. Во-

первых, я переживал, что с ней могло что-то произойти, а, во-вторых, мне просто хотелось её видеть, просто разговаривать с ней, как в тот раз у меня в квартире.

Она пришла сама, опять ко мне домой. На этот раз она казалась ещё более худой и ещё более бледной, чем в первую нашу встречу. Но в её глазах, как и тогда, я читал восхищение, боль и надежду.

– Куда Вы пропали, София? – я был рад долгожданной встрече.

– Можно, я Вам расскажу? – робко спросила гостья.

Я пригласил её войти.

– Это началось очень давно, – проговорила София, – наверное, лет пятнадцать назад. У меня в автомобильной катастрофе погибли родители, и я осталась совсем одна. К бабушкам и дедушкам ехать не хотелось, поэтому осталась жить в квартире, где провела счастливое детство. Друзей тоже не было – я вела очень уединённый образ жизни: дом, учёба... А время, которое я могла бы провести за разговорами с подружками, целиком отдавала чтению книг. Короче говоря, была такой *домашней* девочкой.

Я улыбнулся, представляя, как она склонила голову, читая очередную книгу.

– После смерти родителей в душе произошло полное опустошение, – продолжала София. – Но свято место пусто не бывает: тут появился он.

– Кто – «он»?

– Не знаю, как Вам сказать, чтобы не прослыть помешанной... Бесы начали одолевать. Он приходил сначала раз в месяц по ночам. Со временем стал появляться всё чаще – раз в неделю, а потом – и каждую ночь. После того, как я была у Вас, он пришёл ко мне днём.

Я похолодел от страха, так как начал догадываться, кто

приходил к Софии.

– Он называл меня своей невестой. Говорил, что я нужна ему *там*. Я просыпалась в ужасе, сначала думая, что это просто ночной кошмар. Потом я поняла, что это не просто сон. Вот уже пятнадцать лет это продолжается. Я поседела от этих ночных посещений, мне пришлось начать красить волосы, чтобы избежать ненужных вопросов...

– Вы ходили в церковь, исповедовались?

– Ходила, исповедовалась. Но после этого становилось ещё хуже. Я пыталась даже свести счёты с жизнью, наглоталась таблеток. Скорее всего, он этого и хотел. Но, слава Богу, врачи меня спасли. Не помогает ничего. Я даже не могу обрести счастья в семейной жизни, потому что мужчины, с которыми меня сводила судьба, после первой же встречи куда-то исчезали. И, боюсь, я знаю причину этого. Вы были моей последней надеждой.

Я очень хотел ей помочь. Она безумно мне нравилась, но в то же время вызывала страх, как и любое необъяснимое потустороннее явление.

Я инстинктивно обнял её, пытаюсь хоть как-то защитить. Она сильно прижалась ко мне и заплакала. Мы молча сидели так, обняв друг друга. Я гладил её по голове, как маленького ребёнка.

– Не знаю, смогу ли спасти тебя, но очень постараюсь. Я этого очень хочу, София, – и я поцеловал её.

Эту ночь София провела у меня. Я не мог отпустить её после того, что она мне поведала. Да и вообще не хотел с ней расставаться.

Утром она ушла, оставив мне свой адрес и номер телефона.

– Ты мой спаситель. Я вверяю свою судьбу в твои руки, странник мой, – это последнее, что я услышал от неё.

Следующей ночью я проснулся от страха. Мне явственно послышался гневный голос: «Александр, я дал тебе великий дар, и ты решил, что тебе позволено всё?! Эта женщина должна была быть только моей!»

Я чётко осознавал: голос принадлежал тому, кто являлся Софии. Так значит, я ошибался? Мой дар не является благом, потому что не Господь посылал его?

Я судорожно пытался дозвониться до Софии. Трубку никто не брал. Тогда я поехал по адресу, который оставила мне девушка.

Позвонил в дверь, но никто мне не открыл. Тогда я позвонил в соседнюю дверь.

Соседка сказала, что вчера вечером моя София выбросилась из окна. Было установлено, что дома, кроме неё, никого не было. Никаких предсмертных записок, никаких подсказок, объясняющих причину подобного поступка.

К сожалению, причину знал я.

Небольшое сельское кладбище на окраине леса возле церкви, где похоронены и родители Софии. Я принёс ей незабудки и васильки (она обмолвилась, что любит полевые цветы).

Я всем помогал, а тебе помочь не смог.

Музыку с тех пор не писал и не исполнял.

Опять один...

Вечный скиталец по жизни...

Твой странник.

2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Признание	3
Я слышу музыку	4
Всё начинается с любви	18
Раненый ангел	19
Призыв	34
Ангелы и музы	35
Мысли вслух	42
Странник	43

Подписано в печать

Заказ №96

Тираж договорной

Формат 60x84/16

Отпечатано в типографии «Альтернатива»

Тульская обл., г.Новомосковск,

ул.Коммунистическая, 23